

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

Уильям Линдсей
Грешем

АЛЛЕЯ КОШМАРОВ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

*Роман «Переулоч кошмаров» (Nightmare Alley)
выходит под заголовком «Аллея кошмаров» —
так в российском прокате локализовано название
новой экранизации.*

*Никакой аллеи ни в книге, ни в фильме,
разумеется, нет.*

Посвящается Джой Дэвидмен

Ясновидящая мадам Созострис
Сильно простужена, однако, несмотря
на это обстоятельство,
В Европе слывет мудрейшей из женщин
С колодою ведьминских карт. Она говорит:
Вот ваша карта — Утопший Моряк-Финикиец
(Вот жемчуг очей его! Вот!),
Вот Белладонна, Владычица Скал,
Примадонна.
Вот Несущий Три Посоха, вот Колесо,
Вот Одноглазый Торговец, а эту карту
Кладу рубашкой, не глядя —
Это его поклажа. Что-то не вижу
Повешенного. Бойтесь смерти от воды...

Т. С. Элиот. Бесплодная земля.

I. Погребение мертвого (перев. С. Степанова)

А то еще видал я Кумскую Сивиллу в бутылке.
Дети ее спрашивали: «Сивилла, чего тебе надо?»,
а она в ответ: «Помирать надо».

*Петроний Арбитр. Сатирикон. XLVIII
(перев. В. Амфитеатрова-Кадашева)*

КАРТА I

Глупец

С закрытыми глазами, в пестром шутовском наряде, идет к пропасти на краю света.

Стэн Карлайл стоял в брезентовом балагане, подальше от входа, освещенного электрической лампочкой, и глядел на гика в огороженном загончике.

Тощий тип в косматом черном парике был наряжен в исподнее шоколадного цвета. Коричневый грим на изможденном лице смазался и потек от жары, а вокруг рта и вовсе стерся.

Гик прислонился к ограде. У его ног ленивыми кольцами свернулись несколько — до смешного мало — змей, разморенных духотой летней ночи и ошалевших от яркого света.

Один королевский ужик пытался заползти на ограду, но раз за разом срывался вниз.

Стэн любил змей; ему не нравилось, что они пребывают в обществе этого типа. Речь зазывалы у входа звучала все громче и напористее. Стэн невольно повернул голову.

— ...Откуда он взялся, одному Богу известно. Его обнаружили на необитаемом острове в пятистах милях от побережья Флориды. Друзья мои, в этом шатре вы увидите одну из необъяснимых загадок вселенной. Человек это или зверь? Вы сможете посмотреть на него в естественной обстановке, где он окружен самыми ядовитыми рептилиями на свете. И он нянчится с ними, как мать со своими малютками. Он не ест, не пьет, а питается исключительно воздухом. И как раз сейчас его будут кормить. Тем, кто желает своими глазами увидеть это необыкновенное зрелище, придется раскошелиться, но стоит это удовольствие не доллар и даже не четвертак, а всего один дайм, то есть жалкий десятицентовик или две пятицентовые монетки. Всего десятая часть доллара! Торопитесь! Число мест ограничено.

Стэн отошел к задней стенке балагана.

Гик пошарил под дерюгой и что-то нащупал. Чпокнула пробка, послышались торопливые глотки и резкий выдох.

В балаган устремились лохи: парни в соломенных шляпах, с пиджаками, переброшенными через руку, очередная толстуха с глазами-бусинами. У толстух всегда глаза-бусины, рас-

сеянно подумал Стэн. Утомленная женщина с худенькой девчушкой, которой пообещали показать все балаганы. Еще один забулдыга. Словно калейдоскоп — узор постоянно меняется, а стеклышки остаются теми же.

Клем Хотли, хозяин цирка и церемоний-мейстер балагана «Десять в одном», прошел сквозь толпу, вынул из кармана фляжку с водой, сделал глоток, прополоскал горло и сплюнул. Поднялся на помост. Низкий вкрадчивый голос заставил зрителей притихнуть.

— Позвольте напомнить вам, уважаемые, что мы проводим показ исключительно в научных и общеобразовательных целях. Эту самую тварь...

Какая-то женщина заглянула в загон, увидела крохотного ужика, который не прекращал попыток заползти на ограду, и испуганно взвизгнула.

— Эту тварь изучали лучшие умы Европы и Америки и объявили ее человеком. То есть у него есть две руки, две ноги, голова и туловище, как у человека. Но в черепе под этими костями скрывается мозг дикого зверя. Ему привычнее среди рептилий, чем среди людей.

Гик ловко ухватил черную змею так, чтобы она его не укусила, и начал баюкать, бормоча что-то неразборчивое.

Хотли умолк. Посетители вытянули шеи.

— Вам, наверное, интересно, как он живет среди ядовитых змей. Видите ли, друзья мои, змеиный яд на него не действует. Но если бы

он цапнул меня, то мне не помогло бы ничего на свете.

Гик глухо заворчал и сощурился на яркий свет лампочки. Стэн заметил, как в уголке оскаленного рта блеснул золотой зуб.

— Дамы и господа, поверьте, я не для красного словца заявляю, что эта тварь — дикий зверь, а не человек. Сейчас вы убедитесь в этом самолично. Стэн... — Хотли обернулся к светловолосому пареньку с ярко-голубыми глазами. — Стэн, пора продемонстрировать уважаемой публике, как он питается. Дай корзинку.

Стэнтон Карлайл наклонился, подхватил небольшую корзину и поднял ее над головами зрителей. Толпа дружно отшатнулась к выходу. Клем Хотли, зазывала, примирительно хохотнул:

— Не волнуйтесь, друзья мои. Тут нет ничего страшного. Всего-навсего... — Он вытащил из корзинки жалобно кудахчущую курицу, показал ее публике и жестом потребовал молчания.

Посетители заглянули за ограду.

Гик, стоя на четвереньках, раззявил рот. Зазывала швырнул курицу в загон. Взвихрились перья.

Гик затряс черной куделью парика, метнулся к курице и попытался ее схватить. Курица расправила куцые крылья и заметалась туда-сюда. Гик на карачках ползал за ней.

На перемазанном краской лице впервые появилось оживление. Гик щурил воспален-

ные глаза и беззвучно шевелил губами. Стэн разобрал слова: «Ах ты, сволочь!»

Он незаметно выбрался из толпы. Зрители с любопытством глядели в загон. Стэн сунул руки в карманы и зашагал к выходу из балагана.

Из загона несло испуганное кудахтанье. Зрители шумно вздохнули. Какой-то пьянчуга хлопнул замызанной соломенной шляпой по ограде:

— Хватай курицу, болван! Ну хватай же!

Какая-то женщина взвизгнула и нервно запрыгала на месте; толпа исторгала вековечные стенания, тела прижимались к брусьям ограды, давили на нее. Кудахтанье внезапно смолкло, клацнули зубы, послышалось натужное кряхтение.

Стэн поглубже всунул руки в карманы, толкнул полог и по площади, где среди остальных шатров цирка стоял балаган «Десять в одном», прошел к воротам главного ограждения. Там он вытащил руки из карманов, разжал кулак. На ладони лежал сверкающий пятидесятицентовик. Стэн потянулся к монетке, и она исчезла. По его лицу расплылась загадочная улыбка, скрывающая торжествующее презрение. Он ощупал шов белых фланелевых брюк — и монетка снова оказалась у него в пальцах.

В летней ночи дешевыми стекляшками мерцали гирлянды колеса обозрения. Переливчатые завывания парового органчика звучали

утомленно, будто его трубы изнемогали от усталости.

— Господи, как же жарко!

Клем Хотли, зазывала, стоял рядом со Стэном, промокая носовым платком насквозь пропотевшую ленту на соломенной шляпе.

— Стэн, сбегай в киоск, возьми мне лимонада. Вот тебе десять центов. И себе тоже купи.

Стэн вернулся с запотевшими бутылками. Хотли благодарно поднес свою к губам.

— Боже мой, у меня горло болит, как бычья задница, искусанная слепнями.

Стэн неторопливо пил свой лимонад.

— Мистер Хотли?

— Чего тебе?

— А где вы взяли гика? Он один такой? В смысле он такой уродился, что любит откусывать головы курам?

Клем медленно прищурил глаз:

— Знаешь, малец, я тебе вот что скажу: у цирковых лучше ничего не спрашивать. Тогда тебе никто не соврет.

— Ладно. Но как вы нашли вот этого типа? Увидели, как он гоняется за курами, и придумали номер?

Клем сдвинул шляпу на затылок.

— Ты мне нравишься, малец. Очень нравишься. И за это я тебя уважу. Не дам пинка под зад. Доволен?

Стэн усмехнулся, не сводя невозмутимых ярко-голубых глаз с Хотли.

Зазывала понизил голос:

— Ну раз уж мы с тобой друзья, не буду вешать тебе лапшу на уши. Хочешь знать, откуда берутся гики? Так вот, их не находят. Их делают.

Он многозначительно умолк. Стэнтон Карлайл не шевельнулся.

— Хорошо, допустим, их делают. Но как?

Хотли схватил его за рубашку и притянул поближе.

— Слушай, малец, тебе что, схему нарисовать? Короче, всегда найдется кто-нибудь подходящий — не гик, а какой-нибудь горький пьяница. Из тех, что без бутылки ни дня не живут. Ну и говоришь ему: «Есть работенка. Временная. Мы ищем нового гика, а ты пока надевай его костюм и притворяйся что есть сил». Потом объясняешь, что ему дадут бритву. Как поймает курицу, пусть чиркнет лезвием ей по шее и сделает вид, будто пьет кровь. И с крысами то же самое. Лохи все равно ничего не разглядят. — Хотли оглядел площадь, оценивая толпу, а потом снова повернулся к Стэну. — Так вот, он с недельку этим занимается. Главное, каждый день снабжать его выпивкой и давать отоспаться. Ему все это нравится. Он думает, что попал в рай. Через неделю ты ему и говоришь: «Ну что, мы нашли настоящего гика. Вали отсюда». Он пугается, потому что пьянице всегда страшно лишиться выпивки, и спрашивает: «А в чем дело? Я же стараюсь...» Тогда ты ему: «Плохо стараешься. Какой лохам интерес глазеть на подставного

гика? Возвращай костюм и убирайся восвояси». Поворачиваешься и уходишь. А он бежит за тобой, умоляет его оставить. Ну, ты и говоришь: «Ладно, но только на сегодня. Назавтра уйдешь». И вручаешь ему бутылку. Ну а вечером начинаешь учить его уму-разуму. По всем правилам. Слово за слово, он начинает думать о том, как протрезвеет и как ему будет плохо с похмелья. Ты все говоришь, говоришь, а потом швыряешь ему курицу. Все, гик готов.

Из балагана гика выходили зрители, унылые, вялые и молчаливые, — все, кроме забудыги. Стэн смотрел на них со странной улыбкой — счастливой и рассеянной. Так улыбается заключенный, обнаружив напильник в пироге.

КАРТА II

Маг

*Одной рукой вздымает к небесам огненный жезл,
а другой указывает на землю.*

— ...Подходите, подходите, уважаемые, позвольте обратить ваше внимание на зрелище на первом помосте. Дамы и господа, сейчас вы станете свидетелями замечательной демонстрации невероятной физической силы. Да, среди вас тоже есть силачи, но смею заверить вас, господа, что в сравнении с тем, кого вы сейчас увидите, любой кузнец или атлет — сущий младенец. В этом теле греческого бога скрыта мощь африканской гориллы. Дамы и господа, я счастлив представить вам Геркуло, самого совершенного человека на свете.

Бруно Герци: Если бы она хотя бы раз взглянула на меня, когда я скидываю халат, то я с радостью умер бы в тот же миг. *Um Gottes willen*¹, да я бы своими руками вырезал себе сердце из груди и отдал бы ей на блюдечке. Неужели она не понимает? Я ведь даже не осмелюсь коснуться ее пальцев на сеансе в синематографе. Ну почему мужчинам всегда приходится так страдать из-за женщин? Я ведь даже Зене не могу рассказать, как я по ней вздыхаю, ведь Зена обязательно попытается нас свести, а я почувствую себя полным *dummkopf*², потому что не посмею с ней заговорить. Молли... какое прекрасное имя... очень *Amerikanische*³. Она меня никогда не полюбит, я вот прямо всем сердцем чувствую. И все равно голыми руками раздеру в клочья любого волка в клетке, если он вздумает ее обидеть. Может быть, Молли это увидит. Может, тогда и догадается о моих чувствах и скажет мне что-нибудь такое, что я на всю жизнь запомню. И буду вспоминать потом, когда вернусь в Вену.

— Сюда, сюда, пожалуйста. Подойдите поближе, а то экспонат у нас тут не из самых крупных, правда, майор? Дамы и господа, позвольте представить вам, исключительно в познавательных и общеобразовательных целях, майора Москита, самого крохотного человека

¹ Ради бога! (нем.)

² Дурак (нем.).

³ Американское (нем.).